

Николай Шамрин

Афганские эпизоды
Сборник коротких рассказов

16+

Николай Шамрин
Афганские эпизоды.
Сборник коротких рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66883178

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждый из этих рассказов основан на реальных фактах. В них нет выдуманных героев, изменены лишь имена участников тех, уже далёких, событий. Люди, прошедшие войну в Афганистане, могут не соглашаться с деталями, считая свой, личный опыт единственно верным, но оспаривать достоверность рассказов в целом не имеет смысла. В них нет ни слова лжи.

Николай Шамрин

Афганские

эпизоды. Сборник

коротких рассказов

Эпизод 1. «Ладони»

Советские солдаты – настоящие воины.

Они сражаются до конца

Ахмад-Шах Масуд

Их было немного больше тридцати. Они только что атаковали сторожевой пост неверных и подошли к разрушенному гранатомётными выстрелами блиндажу, который ещё пару минут назад огрызался автоматными очередями. Надо было торопиться, многолетний боевой опыт подсказывал, что скоро здесь будет советская бронегруппа и вступать в бой с ней не входило в их планы, но командир приказал собрать оружие и сфотографировать трупы погибших. Моджахеды окружили развалины укрепления и сняли обрывки брезентового тента. На дне квадратного котлована находились тела двух шурави, один из них смотрел прямо на восходящее солнце уже незрячими глазами, другой, лежащий на живо-

те, был ещё жив и тихо стонал. Сквозь прореху пропитанного кровью бушлата, торчал острый осколок ребра. Командир отряда посмотрел на молодого афганца, державшего в руке длинноствольную винтовку и небрежно кивнув, подбородком указал на шевелящееся тело солдата. Бача уважительно приложил руку к сердцу и спрыгнул вниз. В след за ним спустились ещё три душмана. Баче не хотелось пачкать руки прикосновением к неверному, он решил повернуть тело раненного стволом своей винтовки. Соратники одобрительным гулом поддержали его намерение. Тело легко перевернулось с живота на спину. Казалось, раненный солдат сам помогает молодому моджахеду. Командир, стоя на обломках саманного бруствера, приказал: «Всевышний велел быть милосердным к врагам. Помоги ему, вонзи в сердце неверного свой каруд». Бача кивнул, вытащил кинжал и вдруг увидел раскрытые ладони шурави, на которых лежали ребристые корпуса ручных гранат. Он заворожено смотрел, как отлетают в стороны спусковые рычаги чугунных боеприпасов. У него и его товарищей в запасе ещё оставались четыре с половиной секунды, но страх парализовал волю, и яркая вспышка была последним видением в их земной жизни.

Эпизод 2. «Тельняшка для Люськи»

**Давно уж отгремели те бои,
Но помним мы, и помнит вся Россия!**

**За медсестер, которых не спасли
Сто грамм свои поднимем фронтовые...
Ольга Разуваева**

Она сразу же согласилась ехать в командировку в Афган. И в самом деле, что её удерживало в Ленинграде? Ну, уж точно не комнатка в коммуналке, и не служба в окружном госпитале, давно ставшая рутиной. Семейная жизнь как-то не сложилась: сначала муж был категорически против детей, а потом и вовсе сбежал, сказав на прощанье, что встретил настоящую любовь. Людмила даже не пыталась остановить его. Зачем? И так всё было ясно...

Таисия Алексеевна, сестра-хозяйка, безоговорочно одобрила решение подруги: «Правильно, Люська. Что здесь ловить? Мужики, хоть и вояки, но, ведь больные, да и к тому же женатые. Там, за речкой, и денег зарабатываешь, и мужика, глядишь, захомутаешь!» Уже на отъездной, она случайно услышала разговор подвыпивших врачей. Слегка икая, Виктор Романыч, начальник отделения, говорил Борису, старшему ординатору: «Попадёт наша Люська в медроту, где-нибудь в самой заднице!». «Это ещё почему? – без интереса спросил Борька – она ведь хороший специалист». Начальник снова икнул: «Так-то оно, так, но, там отбор особый... тех, у кого ноги от ушей и на лицо покрасивше, в Кабульском госпитале оставляют. Тех, кто не дотягивает до стандартов, в гарнизонные госпитали определяют. Ну, а нашей Люське,

прямая дорога в медроту». Она сама не знала, как ей удалось сдержать гнев и слёзы, но Виктор Романыч оказался прав: её определили старшей медсестрой в медроту бригады.

Она быстро привыкла к сумасшедшему ритму и завоевала авторитет среди сослуживцев. Ей было нетрудно, помогло восьмилетний опыт службы в окружном госпитале. Вот только, и в глаза, и за глаза, её продолжали звать Люськой, и никак иначе. Да и с поиском «подходящего» мужика, тоже не очень сложилось. Были, конечно, романы, но всё больше скоротечные, без обязательств и продолжения. Так прошёл почти полный год и через пару дней Людмила собиралась в отпуск.

Тот день начался как обычно: она сделала обязательный вытык младшему и среднему персоналу за мелкие нарушения, проверила порядок в палатах и выполнение врачебных назначений. Время уверенно шло к обеду и казалось, что уже не случится ничего из ряда вон, как в её каморку заглянула Валентина:

– Люська! Ты чего сидишь, в бумажках копаешься, с ума сошла?

Она, с трудом сдерживая раздражение от фамильярного обращения подчинённой, взглянула на взъерошенную девчонку:

– Что случилось, подруга? Эфиру нанюхалась, или клизму потеряла? Так я выдам новую...

– Ты, чё, не слыхала? Через час сам Розенбаум концерт да-

вать будет! – от волнения Валька заговорила на своём, «урюпинском» диалекте, – а нам ещё накрасится и подмыться надо...

Люська непроизвольно улыбнулась, глуповатая непосредственность медсестры слегка повеселила:

– Ну, накраситься, как бы, понятно... а подмываться-то зачем?

Валентина вздохнула и картинно закатила глаза:

– Совсем уже? У него в ансамбле одни мужчины... напьются после концерта, к кому приставать будут? К мужикам, чо ли? Тут головой думать надо... подруга!

В компанию к ним напросились ещё три медсестры. По настоянию вездесущей Валентины, они надели сильно укороченные медицинские халаты с «нуля» и, наведя боевую раскраску, вышли из общежития. Уже на подходе к плацу Люська обнаружила в кармане свёрнутое вчетверо вафельное полотенце, которое было абсолютно новым и так пахло свежестью, что она не решилась выбросить накрахмаленный квадрат.

Пахнувшая потом и армейской обувью толпа, ожидающая появления на сцене артистов, без возражений пропустила девчонок к самой сцене. Валентина недовольно покрутила головой:

– Так и провоняем сапожищами. Никакой клима-блима не спасёт!

Тамара, начальник аптеки, грубовато осадил товарку:

– Помолчи, а? Совесть иметь надо. Они в палатках, безо всяких кондёров живут, – подтолкнув Люську локтем, робко спросила, – я, вообще-то, «Красной Москвой» ... как тебе?

Та не успела ответить, толпа взорвалась от приветственных возгласов и аплодисментов: на сцену вышел Розенбаум в сопровождении музыкантов. Людмила и сама не поняла, откуда в ней проснулись азарт и смелость. Она подошла вплотную к сцене и, стараясь перекрычать шум, обратилась к артисту:

– Александр Яковлевич! А можно мне к вам? Я тоже из Ленинграда, и тоже медик. Я вам голову буду от пота протирать, чтобы солнечный удар не случился. Я даже заранее полотенце прихватила с собой. Не переживайте, оно нулёвое!

Удивительно, но певец молча подошёл к краю платформы и, протянув руки, поднял Люську на импровизированную сцену. Зрители зашлись от восторга, казалось, что никакая сила не заставит их утомониться, но вот раздались первые аккорды и над плацом воцарилась тишина...

Люська не помнила сколько длился концерт, к своему стыду она даже не вслушивалась в тексты песен, но, как только начинали стихать звуки гитары, она осторожно промокала голову певца от обильного пота и переворачивала вафельный лоскут, стараясь хоть как-то просушить полотенце. Ей было всё равно, что о ней думают подруги и зрители, сейчас ей казалось, что в эту минуту свершается событие, которое станет самым главным в её жизни. Может так оно и было на са-

мом деле. Кто знает? Для неё концерт закончился неожиданно, просто артист перестал петь, и поднялся со стула. Люська ещё по инерции хотела вытереть его голову, но не смогла, Розенбаум подошёл к краю помоста и стал расписываться на предметах, которые протягивали ему люди. Впереди стоящие зрители даже влезли на сцену и от их присутствия тут же возникла толчея и неразбериха. Видимо тогда Люська и потеряла заветный лоскут материи. Сначала она пыталась разыскать полотенце, но быстро поняла бесполезность затеи. От разочарования девушка закрыла лицо руками и тихонько заплакала. Странно, но, несмотря на суматоху и гвалт, артист услышал её всхлипы. Он выпрямился и осторожно спросил:

– Что с тобой, сестрёнка? Обидел кто?

На несколько секунд над плацом снова повисла тишина. Люська вытерла глаза, и не обращая внимания на потёкшую тушь, ответила сквозь слёзы:

– Полотенце... пропало!

Глаза Розенбаума расширились от удивления, а затем случилось невероятное: отставив в сторону гитару, он под одобрительный гул зрителей снял себя сначала спецназовскую куртку, а затем и тельняшку, оголив накачанный торс. Протянув полосатую майку Люське, тихо, но озорно, сказал:

– Держи тельняшку, сестрёнка! На память обо мне...

Она погибла через три дня после того концерта. Нет, она не ходила в рейд с разведчиками и не вытаскивала ранен-

ных из-под огня. Просто штабной автобус, который вёз её и ещё четырёх девчонок в аэропорт, откуда начинался долгожданный отпуск, подорвался на mine. Так уж получилось, что бронетранспортёр охранения благополучно проехал через выбоину в бетонке, а мина сработала именно под тем колесом, над которым сидела старшая медсестра. Девчата остались живы, только соседка справа получила контузию средней тяжести, а она... По сложившейся в Афгане традиции, сослуживцы поставили фанерный обелиск на месте подрыва, на который они приклеили фотографию погибшей, и сделали надпись красным фломастером: «Наша Люся».

Эпизод 3. ««Братство» по оружию»

**Предателей презирают даже те,
кому они сослужили службу.
Публий К. Тацит**

Командир неспешно оглядел офицеров и кивнул начальнику штаба:

– Начинайте, Виктор Борисович, с чувством, толком и расстановкой.

Майор раскрыл свой блокнот и монотонно-размеренным голосом приступил к докладу:

– Получен приказ – оказать помощь местной бригаде царандоя в проведении операции. Само мероприятие имеет ло-

кальный характер и, потому...

Командир недовольно перебил неторопливую речь начальника штаба:

– Вечно ты, Борисыч, своими заумными словесами тень на плетень наводишь, а времени, итак, в обрез, – снова обведя взглядом лица подчинённых, сказал, как отрубил, – короче, нам надо блокировать пути возможного отхода духов и, в случае чего, поддержать царандоевцев огнём. Детали операции уточним на совместном совещании в штабе бригады, где нам надо быть уже через полчаса. Со мной едут командир четвёртой роты, реактивщик, ну и ты, Борисыч. Выезжаем через десять минут на двух бэтэрах взвода связи. Охрану колонны обеспечивает разведвзвод в полном составе. Вопросы есть? Вопросов нет. Все свободны.

Командир царандоя встречал гостей, как и положено, за столом, уставленным тарелками со сладостями и самоваром. Справа и слева от начальника сидели его заместители с такими же непонятными знаками различия на погонах. Начальник радушным жестом пригласил офицеров занять места за столом и на хорошем русском языке обозначил последовательность совещания:

– Не будем уклоняться от традиций нашего гостеприимства: дела обсудим после чаепития, – кивнув сарбазу, стоящему у стола с белоснежным полотенцем в руках и, глядя, как тот разливает чай в стаканчики «приталенной» формы, неторопливо продолжил, – самовар я купил в Москве, когда

был слушателем академии. Отсюда и мой «русский». Угощайтесь, поверьте, без хорошего чая, большой задачи не решить. Но не надо волноваться, мы поступим по-военному. Времени для подготовки не так уж и много.

Церемония действительно закончилась не по-восточному быстро, уже через полчаса сарбаз убрал посуду, а адъютант расстелил карту. Бригадир приступил к пояснениям:

– Мы согласовали с вашим командованием порядок взаимодействия. Здесь, – он ткнул карандашом в овал на карте, – по информации из надёжных источников, мятежники организовали перевалочную базу для хранения и подготовке к дальнейшей транспортировке оружия, боеприпасов и наркотиков. Охрана довольно приличная, что-то около пятидесяти человек. Наша задача: внезапной атакой с востока и юга, уничтожить посты охраны и овладеть складами. Задача ваших войск: блокировать два маршрута отхода и, при необходимости, поддержать нас огнём бронетранспортёров. В крайнем случае склады должны быть уничтожены ударом вашей реактивной батареи. Ваш комбриг разрешил привлечь один «градовский» взвод. Операция местного значения, я думаю, что с вашей стороны будет достаточно одной роты. Риск для ваших бойцов минимальный. В оцеплении главное – внимание и тишина. От нас будет действовать усиленный батальон.

Комбат, изучив карту, кивнул начальнику штаба:

– Виктор Борисович, скопируй обстановку, – переведя взгляд на командира царандоя, спросил, – время начала опе-

рации уже определено?

Начальник с некоторой поспешностью ответил:

– Через сорок минут после фаджра, предрассветной молитвы, в четыре часа тридцать минут. К этому времени ваши войска должны будут занять позиции, – он вдруг как-то недружелюбно улыбнулся, – или это очень рано для советских солдат?

Комбат сделал вид, что не заметил иронии:

– В самый раз. На вскидку: колонна пройдёт маршрут за полтора часа, если брать с часовым запасом, то... Ладно, это мы уже дома расчёты сделаем, в том числе по силам и средствам, – посмотрев на часы, спросил, – у вас всё?

Начальник слегка откинулся на спинку кресла:

– К району ведут всего две тропы, вы их видите на карте. Левая, через брод, очень сложная, по ней техника не сможет пройти. Вашим войскам надо следовать по правому пути, – он наклонился и указал маршрут на карте, – за полчаса до вашего выхода, я выставлю там посты, они будут обеспечивать марш подразделений. Этой дорогой идут мирные караваны, поэтому её не минируют. Политика национального примирения, понимаешь... Теперь всё. Как говорится в ваших фильмах о войне, сверим часы?

Дождавшись, когда за советскими офицерами закроются двери, командир, оглядев своих заместителей, остановил взгляд на адъютанте:

– Наджаф, передай мулле, что шурави пойдут нужной до-

рогой. Пусть готовит сюрпризы, – снова взглянув на заместителей, тихо добавил, – это будет наш вклад в дело борьбы с неверными.

Комбат взглянул на начальника штаба:

– Что-то не понравился мне этот полковник!

Виктор Борисович кивнул:

– Мне тоже. Через чур всё легко и просто: и задача «не бей лежачего», и дорога без мин. Да и какого рожна тащить «Гряды», если реактивщики из своего района вполне эти склады достанут? Кстати, почему «полковник»? Может он «подполковник»? Или ты научился различать звания царандоя?

Комбат отмахнулся:

– Нет, не разбираюсь я в их узорах на погонах, – ещё раз взглянув на карту, уверенно продолжил, – вот, что мы предпримем, товарищи офицеры...

Батальонная разведка, заблаговременно высланная комбатом, смогла обнаружить места засад, подготовленных моджахедами на маршруте и передать их координаты. Через десять минут после завершения фарджа, по позициям душманов отработала приданная батальону батарея установок «Град» в полном составе. Усиленная миномётным взводом мотострелковая рота совершила марш через брод по «левой» дороге и вышла в назначенный район к установленному времени, но, вместо перевалочной базы, подразделения

обнаружили старые развалины заброшенного кишлака. Батальон царандоя в полном составе с техникой и вооружением перешёл на сторону мятежников. Через несколько дней кочевники-пуштуны нашли тела командира бригады и его заместителей с перерезанными горлами.

Эпизод 4. «Душман»

Чужбина родиной не станет Иоганн В. Гёте

Им, наконец-то удалось нагнать группу шурави, но первая попытка атаки бархана, за которым укрылись неверные, обернулась потерями. Командир осторожно осмотрел позиции кяфиров, однако определить численность противника так и не смог. Спустившись вниз, он оглядел своих соплеменников: их было почти тридцать уставших от долгого преследования мужчин. Что поделаешь? Пески тяжелы даже для тех, кто в них родился. Жестом приказав воинам занять позиции на гребне бархана, он остановил свой взгляд на одном из них:

– Мухаммад! Подойди поближе.

Молодой моджахед поспешно подхватил автомат и торопливо стал пониматься вверх, стараясь опередить волны песка, стекающие с вершины пустынной дюны. Подойдя к командиру на должное расстояние, парень приложил руку к

сердцу, выражая готовность и почтение. Тот одобрительно кивнул:

– Настало твоё время Мухаммад, ещё доказать свою преданность. Я не хочу зря проливать кровь наших людей, ведь Всевышний призывает нас к милосердию. И нет божества, кроме него! Семь лет назад ты принял ислам, а мы приняли тебя в семью. Ты должен предложить неверным вернуть нам документы, которые им удалось захватить. Скажи им, что я отпущу их с миром. Ты, знаешь, воины нашего племени держат слово, ибо мы живём по законам пуштунвали и не нарушаем клятвы, даже если она дана врагу. На размышление я дам им полчаса, но, если они не одумаются, то мы уничтожим всех, кроме командира. Я хочу, чтобы он сам смотрел в глаза матерей своих бойцов. Сейчас отдыхай и прочитай молитву. Я скажу, когда тебе надо будет идти.

Мухаммад вернулся на прежнее место и равнодушно посмотрел на белое от зноя небо. Мысли вяло текли в голове: пуштунские слова переплетались с русскими, но не это беспокоило его: память услужливо возвращала, казалось бы, давно забытые картины. Семь лет назад, он, тогда ещё Михаил, рядовой Советской армии, по глупости или по неосторожности попал в плен. Не предупредив взводного, зашёл в местный дуكان за сигаретами. В то время войска только входили в Афганистан, и никто из сослуживцев даже не задумывался, чем может обернуться короткая отлучка. Наверное, ему повезло, его не били и не пытали, просто предло-

жили принять истинную веру и добровольно встать в ряды моджахедов. Солдат, в силу атеистического воспитания, был далёк от религиозных вопросов, но ему очень хотелось жить и, потому, он согласился уже после первого общения со старейшиной. Вначале всё было чуждо и даже дико, но постепенно он привык к укладу жизни, тем более что в племени к нему относились почти как к равному. Мулла позже объяснил ему, что обратить неверного в истинную веру, есть священный долг правоверного. Конечно, Михаил не раз задумывался о побеге и возвращении к своим, но настал день, когда ему пришлось сделать окончательный выбор. Прошло что-то около трёх месяцев со дня его пребывания в новой семье и вот, однажды, после, ставшей уже привычной предутренней молитвы, его вызвал старейшина и, указав на завёрнутое в кошму тело, сказал:

– Мухаммад! Ты должен доказать, что готов стать истинным воином. Это – русский лётчик, его самолёт сбили, когда он сбрасывал бомбы на наших братьев. Он уже не жилец, но ещё дышит. Прояви милосердие, облегчи его страдания, и мы сможем доверить тебе оружие.

Михаил не помнил, как нажимал на спуск и сколько патронов израсходовал. Он помнил только, как дёргался от выстрелов автомат в его руках. В тот день он стал настоящим Мухаммадом, а этот автомат – его верным спутником. Сейчас, лёжа на песке, он вдруг поймал себя на мысли, что не боится встречи с бывшими соотечественниками, напротив,

ему было любопытно, узнают ли они в обожжённом солнцем душмане, солдата-срочника? Порывшись в заплечной сумке, Мухаммад вытащил белую рубашку. Когда-то давно, ещё в прошлой жизни, в одном из военных фильмах, он видел сцену с парламентарями, идущих к окопам противника с белым флагом над головой. «Ничего, – подумалось ему по-русски, – сойдёт за флаг. Не зря Хафиза уложила свежую рубаху. Как чувствовала, что пригодится». Призыв командира прервал нестройный поток липких от жары мыслей.

Окрик: «Стой! Садись там, где стоишь», застал парламентаря в трёх шагах от вершины бархана. Моджахед послушно опустился на песок:

– Хорошо, командир.

Над песчаным гребнем показалась голова русского, очевидно, командира отряда. Мухаммад увидел в глазах офицера усталость и решимость. Сердце моджахеда сжалось от внезапной тоски, но поборов приступ, он первым задал ничемный вопрос:

– Что, командир, изучаешь?

Тот и не думал скрывать удивление:

– Ты – русский?

Мухаммад ответил с готовностью:

– Нет. Я – мордвин. Но, это дело не меняет. Я был в плену, принял ислам и теперь, я – пуштун. И моджахед.

– По убеждению? Или так, в силу обстоятельств?

Командир явно тянул время, но душман всё-таки ответил:

– Это важно? Можешь считать так, как тебе удобно. У меня здесь семья... Ладно, всё это сейчас неважно.

– С чем пожаловал, болезный?

В голосе русского слышалось презрение. Мухаммад вновь почувствовал, как тоска сжала его сердце. Слегка переведя дыхание, он приступил к главному:

– Командир велел передать, что уважает вас как воинов. И он не желает смерти шурави. Тебе просто надо отдать дипломат с бумагами и мы уйдём. И вы уйдёте. Без потерь.

Казалось, предложение заставило задуматься офицера, однако его ответ прозвучал достаточно быстро:

– Вот что, правоверный моджахед! Передай своему командиру, что мне нужно время для принятия решения. Сам понимаешь, вопрос слишком серьёзный, чтобы решать его сходу.

Мухаммад прикрыл глаза и, с показным равнодушием, произнёс:

– Мадждуддин знал, что ты ответишь именно так. Он даёт тебе полчаса. Так он сказал. Там, за барханом, отряд численностью в пятьдесят стволов. После той атаки мы знаем, что у тебя не больше десятка солдат. Я тебе от души говорю: отдай дипломат и твои бойцы останутся в живых. Они ведь ещё мальчишки. Им ещё жить и жить! Командир приказал уничтожить всех, кроме тебя. Он хочет, чтобы ты сам посмотрел в глаза матерей своих бойцов. Поверь...

Русский оборвал парламентёра на половине фразы:

– Молчи и слушай! Ты слишком много говоришь! Передай своему командиру, что через полчаса я приму решение, и оно будет окончательным. А сейчас, иди. Нам незачем продолжать разговор. Иди!

Мадждуддин взглянул на часы и взмахнул рукой. Выстрелы пяти гранатомётов не могли причинить шурави большого урона, но они подняли пылевую завесу, которая позволила моджахедам пройти больше половины дистанции. Мухаммад шёл на фланге боевого порядка. Внезапный порыв ветра слегка развеял завесу песка, и он увидел командира русского отряда, стрелявшего короткими очередями. На секунду даже показалось, что их взгляды встретились. Ему вполне хватило бы времени и навыков, чтобы одним выстрелом прервать жизнь недавнего собеседника, но уже знакомая тоска иглой пронзила его сердце, а в следующий миг, в эту же точку попала пуля. Последним видением земной жизни молодого душмана, стала его мать, стоящая на пороге их деревенского дома. Он прожил ещё пару секунд, успев сказать только одно слово: «Мама» ...

Эпизод 5. «На живца»

**В войне нет постоянной формы;
искусство войны состоит в обмане.**

Цао Гун

Ротный раздражённо оглядел офицеров:

– Твою мать! Если бы вы знали, что мне сейчас комбриг наговорил! Я еле сдержался! – он тяжело опустился на стул и, придав лицу мрачную гримасу, хриплым от обиды голосом, продолжил – на хрена, говорит, мне такие разведчики? Что есть, что нет.

Замкомроты пожал плечами:

– В первый раз, что ли? Говори конкретно, в чём претензия? Неделю назад хвалил, грамоты вручал, сегодня ругает. По-моему, всё путём, как обычно.

Капитан неожиданно успокоился:

– Да в том-то и дело, что по большому счёту, бригадир прав. Сколько раз пытались разобраться с духами, что работают у ООНовского городка? Всё бестолку. А они совсем оборзели! Вчера, на сопровождении, бемпешка пехотная блуданула, не в тот поворот заехала, так они её без всяких итальянок обездвигили, кормовые двери заблокировали, облили керосином и подожгли. Весь экипаж заживо сгорел. Машину разыскали через двадцать минут, только поздно уже было.

Замполит тяжело вздохнул:

– Жаль пацанов! Что бригадир говорил? Ну, кроме ругани, конечно...

Ротный уныло вздохнул:

– А, что бригадир? Приказал хоть из-под земли достать. А как? Их же, паскуд, от дехкан не отличишь. Как вычислить? Да и местность там подходящая, официально-то, вся зелёнка лояльная, мирная то есть. Ни бомбить нельзя, ни артралётом прижучить, того и гляди, ооновцев своим огнём накроешь. Три дня дал на выполнение... до следующего сопровождения. Вынь, да положь. И начпо тоже подпел, мол всех партбилетов лишим. Ума не приложу, с какого конца братья? Михалыч тоже, хорош... Сказал, чтобы к завтраму предложения подготовили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.